

Теория и методология Theory and methodology

DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_03_01

Полева Н.С.

Трансценденция и «разрывы» повседневности

Poleva N.S.

Transcendence and «gaps» of everyday life

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Статья посвящена теоретическому анализу феномена «разрывов» повседневности. На основе положений теории А. Шюца множественности реальностей рассматриваются общие характеристики конечных областей смысла и характерные особенности повседневности как верховной реальности. Процесс перехода из одной реальности в другую является трансценденцией. Трансценденция понимается как способ отстранения от повседневности, процесс выхода за пределы актуального «здесь и сейчас», который сопровождается «разрывами» повседневности, переживаниями «скачка» или «шока». Трансценденция является важной составляющей мира повседневности и его характеристикой. Трансцендентное измерение повседневности может обладать экзистенциальным модусом. Представители гуманистической и экзистенциальной психологии связывают высший, экзистенциальный уровень существования человека со способностью личности к самотрансценденции – выходу за границы своей непосредственной жизни, за пределы своей собственной личности. При этом способность к самотрансценденции наряду со способностью к самоотстранению и саморефлексии выступают сущностными характеристиками человеческого существования, которые открывают возможности самодетерминации личности, «жизнетворчества» и ориентации на стратегии преобразования. Мир повседневной жизни субъекта структурируется внутренней формой психологического хронотопа, переживаниями «spots of time», которые сопровождаются «разрывами» повседневности и трансценденцией в другие реальности или на другие уровни бытия. Некоторые «spots of time» могут быть источниками переживания экзистенциального опыта и триггерами возможных изменений. Общим в понимании трансценденции как имманентной характеристики повседневности и трансценденции как имманентной, сущностной характеристики личности является интерпретация

трансценденции как процесса отстранения от актуального «здесь и сейчас».

Ключевые слова: повседневность, трансценденция, самотрансценденция, отстранение, «spots of time»

Для цитирования: Полева, Н.С. Трансценденция и «разрывы» повседневности // Новые психологические исследования. 2022. № 3. С. 8–22. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_03_01

Обращение к конструктам «психологический хронотоп», «хронотоп повседневности» в исследованиях психологии повседневности связано с конструктом «мест времени», или «spots of time», которые понимаются как внутренняя форма хронотопа. «Spots of time» являются точками бифуркации, определяющими выбор и этапы личностного развития, а также способствующими сохранению целостности личности. Как источники интенсивных переживаний, в том числе и негативных, «spots of time» могут выполнять функцию триггеров личностных изменений и трансформаций. Так представление о целостности повседневности как течения жизни дополняется представлениями о ее сложности и сегментарности, о наличии «малых хронотопов», определенных периодов в жизни конкретного человека между «spots of time» как условными точками бифуркации. В этом контексте возникает вопрос о «разрывах» повседневности, о возможности выхода из текущей ситуации «здесь и сейчас» и перехода между разными сферами бытия человека. Целью статьи является теоретическое исследование проблемы «разрывов» повседневности и их роли в жизни человека.

Процесс трансценденции

Развивая идею У. Джеймса о множественных реальностях, Шюц рассматривает мир повседневности как один из видов реальности наряду с миром сновидений, миром религиозного опыта, миром детской игры, миром искусства и т.д. (Шюц, 2003, с. 18). Если для определения множественных реальностей Джеймс использует понятие субуниверсов, Шюц вводит понятие конечных областей смысла, так как, по мнению ученого, реальность конституируется именно смыслом нашего опыта. Каждой реальности как конечной области смысла соответствует свой собственный уникальный когнитивный стиль, который характеризуется 1) специфическим напряжением сознания, 2) специфическим *epoché*, 3) своей преобладающей формой спонтанности, 4) специфической формой пережива-

ния Я, 5) специфической формой социальности и 6) специфической временной перспективой (Шюц, 2003, с. 19). При этом повседневная реальность наделяется Шюцем статусом верховной реальности, а характеристики когнитивного стиля повседневности рассматриваются как особенности мира повседневности. Согласно теории Шюца, характерными особенностями повседневности являются:

1) специфическое напряжение сознания, а именно бодрствование, выражающееся в полном внимании к жизни;

2) специфическое *epoché*, а именно «приостановка» сомнения;

3) преобладающая форма спонтанности, а именно работа, рабочая операция (осмысленная спонтанная активность);

4) специфическая форма переживания своего Я (работающее Я как тотальное Я);

5) специфическая форма социальности (общий интерес субъективный мир коммуникации и социального действия)

6) специфическая временная перспектива (Шюц, 2003, с. 17).

Повседневность кажется естественной, и человеку сложно отказаться от своей установки в восприятии повседневности, поэтому каждый раз смена установки сопровождается специфическими переживаниями, которые вынуждают человека выйти за границы одной конечной области смысла и поставить акцент реальности на другой. По мнению Шюца, границы мира повседневности, как и других миров, непроницаемы, поэтому переход из одной реальности в другую возможен «только посредством того, что Кьеркегор называет «скачком», который проявляется в субъективном переживании шока». «Скачок», или «шок», определяется Шюцем как радикальные изменения напряжения сознания, которые основаны на различном «*attention à la vie*» (Шюц, 2003, с. 18–19).

Такой переход из одной реальности в другую можно назвать трансценденцией (от лат. *transcendens* – превосходящий, выходящий за пределы). Таким образом, трансценденция – это любой выход за пределы непосредственной ситуации «здесь и сейчас», способ отстранения от реальности повседневной жизни (Вахштайн, 2009, с. 67). Исходя из этого, трансценденция – специфический механизм или операция выхода за пределы «здесь и сейчас», который сопровождается «разрывами» повседневности и переживаниями «скачка», или «шока». Подобные переживания «шока», «разрывы» повседневности постоянно происходят в повседневной жизни человека и включены в

ее реальность. Каждой области конечного смысла, на которую можно поставить акцент реальности («*attention à la vie*»), соответствует свой вид переживаний шока как трансцендентности: «шок при засыпании как скачок в мир снов; внутреннее преображение, которое мы претерпеваем при подъеме театрального занавеса, как переход в сценический мир; радикальное изменение нашей установки, когда, стоя перед картиной, мы позволяем своему визуальному полю ограничиться тем, что находится внутри рамы, как погружение в изобразительный мир; наше недоумение, раздражающееся смехом, когда, слушая остроу, мы на короткое время готовы принять вымышленный мир шутки за реальность, в сравнении с которой мир нашей повседневной жизни приобретает характер глупости; обращение ребенка к своей игрушке как переход в игровой мир; и т. д. Всевозможные религиозные переживания – например, кьеркегоровское переживание “мгновения” как скачка в религиозную сферу – тоже являются подобным шоком...» (Шюц, 2003, с. 18).

Яркими примерами переживаний трансценденции и «разрывов» повседневности являются ситуации, связанные с восприятием произведений искусства. Так, увлекшись чтением в вагоне метро, можно проехать свою остановку. Повседневная реальность с шумом метро, разговорами пассажиров, запахами пропадает, изменяется субъективное течение времени, и все заполняет собой переживание реальности художественного текста. Возвращение в повседневность сопровождается возвращением звуков метро, обрывков разговоров, ощущениями движения вагона и т.д. В художественных фильмах такие «разрывы» повседневности передаются с помощью замедленной съемки, изменения освещения, звукового ряда, а возвращение, наоборот, сопровождается ускорением движения в кадре, усилением звука. Примерами отстранения от повседневности являются восприятия-переживания музыки, живописных произведений и литературы, театрального спектакля. По мнению Шюца, невозможно одновременно находиться в повседневной реальности и реальности произведения искусства, границы которого символизируют рамка экрана в кинотеатре, страница текста, театральная сцена, рама картины. Переход между мирами всегда является мерцанием, оспилляцией, что исключает возможность одновременного присутствия в реальности художественного произведения и в повседневной реальности. В противном случае это привело бы к уничтожению границы между ними. Шюц подчеркивает, что совместимость переживаний возможна только внутри границ конкретной реальности как области смысла и в

пределах ее уникального когнитивного стиля. Таким образом, каждый раз «разрыв» повседневности, трансценденция как преодоление «здесь и сейчас» знаменует собой переход в иную реальность, которая в субъективном восприятии-переживании оказывается такой же реальной, как и привычная рутина повседневности. В дискурсе теории фреймов И. Гофмана, механизмом трансценденции, «скачка», перехода от «первичной системы фреймов», от одной формы к другой являются переключения, рефрейминги, транспонирование, которые ведут к изменению контекста, а, следовательно, и трансформации смысла (Вахштайн, 2009, с. 67–68).

Таким образом, концепт «spots of time» может получить еще одну интерпретацию – как «разрывов» повседневности и как трансценденций.

Трансценденция как переход в экзистенциальное

А. Шюц ставит в своих работах задачу «описать, как чувственно воспринимаемый мир, действительно данный индивиду в каждый момент его биографического существования, несет с собой свои открытые горизонты пространства и времени, выходящие за границы актуального Здесь и Сейчас». По мнению ученого, многообразные переживания трансцендентности человека опосредованы знаками и символами. Обыденный мир повседневности изначально является социокультурным миром, поэтому многие проблемы, связанные с интересубъективностью, интерпретации знаков и символов, берут в нем начало, определяются им и находят в нем свое решение (Шюц, 2004, с. 462–463).

Для объяснения трансцендентного измерения повседневности Шюц вслед за Гуссерлем использует понятие аппрезентации, анализирует процессы сигнификации, символизации, индексации и означивания контекстов повседневных действий и взаимодействий, их интерпретаций. Шюц определяет символ «как аппрезентативное соотношение высшего порядка, в котором аппрезентирующим членом пары является объект, факт или событие в реальности нашей повседневной жизни, а другой, аппрезентируемый член относится к идее, трансцендирующей за рамки нашего опыта повседневной жизни» (Шюц, 2004, с. 501). Отсюда повседневный контекст «здесь и сейчас» может означать, символизировать другой пространственно-временной контекст. Семейный альбом с пожелтевшими фотографиями актуализирует в памяти переживания, связанные с людьми и событиями прошлого, хотя сам контекст действия (перелистывание альбома)

относится к ситуации «здесь и сейчас». Этот повседневный контекст символизирует другой пространственно-временной контекст – давно прошедшее время и далекие места-пространства, а старые фотографии становятся знаками-символами «spots of time».

Символическая репрезентация контекстов повседневности обеспечивает связь малых хронотопов, «spots of time», а также целостность хронотопа жизни отдельного человека. Кроме этого, она связывает рутину и обыденность повседневных ситуаций с «трансценденциями, выходящими за пределы актуального Здесь и Сейчас» (Шюц, 2004, с. 526). Таким образом, трансценденция, как любой выход из актуального «здесь и сейчас», может обладать экзистенциальным измерением (Вахштайн, 2009 с. 67).

В психологии понятия «трансцендентность» и «трансценденция» находятся в центре внимания предметного поля гуманистической и экзистенциальной психологии. Выделяя различные уровни существования человека, представители этих направлений связывают высший, экзистенциальный или бытийный уровень со способностью личности к самотрансценденции – выходу за пределы собственной личности, за границы самого себя и своей непосредственной жизни, переходу на бытийный уровень существования, который предполагает открытость миру, поиск смысла жизни, свободу и ответственность, переживания чувства одиночества, вины, страха смерти и т.д.

Многомерность мира существования человека предполагает разработку методологических подходов, релевантных для анализа этой многомерности различных форм взаимодействия человека и мира. Так В.В. Знаков акцентирует внимание на трех типах реальности существования человека – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной (Знаков, 2016). Обращаясь к проблеме концептуализации контекста в современной психологии, Н.В. Гришина выделяет ситуационный, жизненный и бытийный контексты. Для ситуационного контекста единицей описания взаимодействия человека с миром становится ситуация. Жизненный контекст представлен двумя областями описания – мира повседневности и жизненного пути человека, а единицами их анализа являются концепты социальной ситуации и жизненного пространства человека. Возможной единицей описания бытийного контекста, который не сводится к повседневности и к жизненному пути человека, по мнению Гришиной, может стать концепт жизненного мира, при этом бытийный уровень отражает существование человека в мире именно в его экзистенциальных данностях (Гришина, 2018).

Можно предположить, что в дискурсе контекстуального подхода трансценденция как «разрыв» повседневности и переход на бытийный уровень связана с пограничными ситуациями – переходной зоной между жизненным и бытийным контекстами. Это ситуации интенсивных переживаний и потрясений, которые вызываются жизненными утратами и страданиями, смертью и тяжелыми болезнями, чувством вины и т.д. (Гришина, 2018, с.12, с. 16). К экзистенциальному модусу трансценденции можно отнести «скачок» в религиозное переживание С. Кьеркегора, «озарение» В. Франкла, «пограничные ситуации» К. Ясперса, «пик» и «плато» переживания А. Маслоу и др. Хрестоматийным примером трансценденции, перехода на бытийный, экзистенциальный уровень является описание Л. Толстым неба Аустерлица в переживаниях князя Андрея:

“Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются”, — подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего ужасного, кроме неба, — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нему серыми облаками. “Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, — совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба?” (Толстой, 1979, с. 354).

Возвращаясь к понятию самотрансценденции важно отметить, что в экзистенциальной психологии способность к самотрансценденции наряду со способностью к самоотстранению рассматриваются как фундаментальные онтологические характеристики личности и составляют сущность человеческого существования. По мнению В. Франкла, самотрансценденция и самоотстранение открывают возможность самодетерминации личности и принадлежат к нозитическому измерению человека (Франкл, 1990).

Выход из повседневности в бытийный уровень существования предполагает, как правило, обращение к метафоре перехода на более высокий уровень бытия, развития и движения по горизонтали, «по восходящей». Это отражается и в таких понятиях, как «вершинные переживания», «восходить», «превосхождение себя», «более высокоорганизованные и качественно новые уровни бытия», «вершинная психология» и т.д.

Другой метафорой является метафора погружения, углубления, движение внутрь себя, проникновение в сущность. Примерами могут служить положения теории К.Г. Юнга и М. Чиксентмихайи. Обретение Самости у Юнга в процессе индивидуации – это не восхождение вверх, а погружение все глубже сквозь новые слои до центра, до истока и основы психического бытия человека. Переживания состояния «потока» или «потокowego состояния» в теории Чиксентмихайи предполагают погружение в актуальное «здесь и сейчас». В состоянии потока человек превосходит самого себя, достигая максимальной продуктивности, при этом его Я растворяется в том, чем он занят, образуя единое целое с выполняемой задачей, восприятие времени искажается – точнее происходит как бы удержание времени и пространства. При такой предельной концентрации посторонние звуки и другие отвлекающие внешние факторы на время перестают существовать для человека. Описания переживаний состояния «потока» сходны с переживаниями погружения в произведение искусства, «вершинными» переживаниями А. Маслоу и др.

Обращает на себя внимание, что характеристики переживаний состояния потока в теории Чиксентмихайи связаны с понятием самодетерминации, как и, например, понимание нозетического измерения человека у В. Франкла или характеристики самоактуализирующейся личности А. Маслоу. С этой целью Чиксентмихайи вводит термин «аутотелическая личность» (от греческого *auto* – «само по себе», *telos* — «цель») – личность, цели которой находятся в ней самой. Аутотелик не нуждается во внешней мотивации, а ориентируется на внутренние факторы. «Аутотелическая личность» в состоянии «потока» достигает максимальной продуктивности, получая удовольствие от процесса своей деятельности, и характеризуется автономностью и самодостаточностью, трансформируя хаос внешнего мира в опыт «потока» (Чиксентмихайи, 2011).

Модель самотрансценденции, по мнению Н.В. Грипиной, предполагает обращение к стратегиям преобразования. Способность к самотрансценденции и к самоотстранению референтно конструктам «поля» и «способность встать над полем» К. Левина. Поэтому стратегии преобразования могут рассматриваться и в терминах жизненного пространства через его изменение и переструктурирование, и в терминах жизненного сценария, а также жизненного мира через «жизнетворчество», как его определяют представители экзистенциальной психологии (Грипина, 2015).

Референтность теории поля К. Левина, положение экзистенциальной психологии о бытии в мире, психология человеческого бытия и миропроекта С.Л. Рубинштейна прослеживаются в понятии (или конструкте) экзисферы в работах Т.Д. Марцинковской (Марцинковская, 2020, 2019). Самотрансценденция, способность «встать над полем» и способность жизнетворчества как созидание собственного миропроекта направлены на конструирование человеком собственной системы смыслов и ценностей, своей духовной экзисферы. По определению Марцинковской, экзисфера – это личностное пространство, индивидуализированный мир человека, который объединяет его внешний и внутренний миры. При этом значимой образующей личностного пространства как пространства духовного является культура, а переживания рассматриваются как основной психологический механизм, обеспечивающий интериоризацию/интернализацию внешних стимулов во внутренние смыслы, ценности, мотивы и т.д., трансформируя внешний объективный мир в бытие личности, ее собственный жизненный мир (Марцинковская, 2009, 2020).

Утверждая значимость единства внешнего и внутреннего мира, внешней и внутренней активности, Рубинштейн подчеркивал приоритет именно внутренней активности человека. Особая роль внутренней активности определяется ее субъектностью и субъективностью, которые проявляются в интенциональности, личной отнесенности и селективности. Посредством выборов человек конструирует и созидает свое собственное личностное пространство. Это пространство собственной жизни личности непосредственно связано с реальным миром, но сконструировано самим субъектом и несет на себе «отпечаток» его субъективности, его личности, его стремлений и интересов (Рубинштейн, 2003; Марцинковская, 2020).

Важным компонентом методологического подхода Т.Д. Марцинковской к исследованию проблем психологии транзитивности и психологии повседневности является также положение о двух уровнях детерминации, которое создает возможность исследования психологической феноменологии повседневности, соответствующей различным уровням существования человека. Многомерность уровней бытия человека предполагает разные уровни его осознания и качественные различия детерминации. Положение о двух уровнях мотивации Марцинковской референтно положениям работы «Человек и мир» С.Л. Рубинштейна о двух уровнях бытия

человека, двух способах существования, взаимодействия с миром и отношения к жизни. Первый уровень, или вид, бытия определяет такой способ существования, при котором жизнь человека не выходит за пределы его непосредственных связей. Главная особенность этого вида бытия – отсутствие рефлексии, невозможность осознания себя и целостности своей жизни. Находясь «внутри» жизни (в естественной установке сознания – в терминах Шюца), человек не может «встать над полем», отстраниться от привычного потока жизни, от своей повседневности, что и делает невозможным рефлексию (Рубинштейн, 2003; Марцинковская, 2019, 2021).

Второй способ существования человека связан с возникновением рефлексии, что, по мнению Рубинштейна, является решающим, поворотным моментом в становлении нового уровня бытия. Формирование рефлексии «...как бы приостанавливает, прерывает ... непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы... Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней... С этого разрыва непосредственных связей жизни и их восстановления на новой основе начинается и в этом заключается второй способ существования человека» (Рубинштейн, 2003, с. 366–367).

Переход на другой уровень бытия актуализирует проблему детерминации и самодетерминации как свободы и ответственности, «ответственности за все содеянное и все упущенное» (Рубинштейн, 2003, с. 267). Таким образом, свобода и ответственность в теории Рубинштейна понимаются не только как свобода выбора пути и реализации своего «миропроекта», но и как его построения – построения своего личностного бытия, личностного пространства в общем социально-историческом и культурном пространстве (Марцинковская, 2009, 2019, 2020). Возвращаясь в дискурс хронотопа повседневности и роли «spots of time» как внутренней формы хронотопа, можно предположить, что «места времени» становятся триггерами, вызывающими разрывы повседневности и посредством самотрансцендирования, самоотстранения, обеспечивающими переход на другой уровень бытия, включая выход в экзистенциальное измерение.

Заключение

Многомерный мир повседневности объединяет разные уровни, разные контексты существования человека – от индивидуального до индивидуального и личностного, экзистенциального, которые взаимосвязаны и взаимно определяют друг друга.

Психологический анализ феноменологии повседневности позволяет выделить два основных контекста интерпретации трансценденции – трансценденция как имманентное свойство повседневности и трансценденция как имманентное свойство личности.

Постоянные переходы между разными реальностями и сферами бытия человека сопровождаются «разрывами» повседневности. Любой переход, выход из актуального «здесь и сейчас» повседневности является трансценденцией. Это позволяет рассматривать трансценденцию как неотъемлемую составляющую сущности повседневности, как процесс или механизм перехода между различными реальностями или мирами. Трансценденция может иметь экзистенциальное измерение или экзистенциальный модус.

В таком контексте психология повседневности смыкается с проблемами психологии личности, экзистенциальной психологии, когда под трансценденцией понимается переход именно на бытийный, экзистенциальный уровень существования человека. При этом трансцендирование, выход к чему-то новому, иному, превосхождение себя рассматривается как важная, значимая составляющая человеческого существования, которая определяет способность человека к самотрансценденции.

Понимание сложности и многомерности разных аспектов человеческого существования актуализирует необходимость разработки методологических подходов, адекватных запросам современности. Прежде всего, это расширение понятия психологического детерминизма и введение в психологию личности категории возможного. Знаковыми характеристиками бытийного, экзистенциального уровня существования человека становятся понятия *самотрансценденция*, *самоотстранение*, предполагающие возможность *саморефлексии* и *самодетерминации*, *жизнетворчества* и ориентацию на *стратегии преобразования*. Перечисленные характеристики существуют как энтелехия личности и являются «факультативными» (по определению Д.А. Леонтьева). В этом контексте трансцендентное измерение повседневности предстает как пространство возможного.

Мир повседневной жизни субъекта структурируется внутренней формой психологического хронотопа, переживаниями «spots of time», которые сопровождаются «разрывами» повседневности и трансценденцией в другие реальности или на другие уровни бытия. Некоторые «spots of time» могут быть источниками переживания экзистенциального опыта и триггерами потенциальных изменений. Общим в понимании трансценденции как имманентной характеристики повседневности и трансценденции как имманентной характеристики личности является интерпретация трансценденции как «разрыва» повседневности и процесса *отстранения* от актуального «здесь и сейчас» повседневности. Возможное предположение о принципиальном тождестве этих процессов или выявление различий между ними требуют дополнительного исследования.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00075 «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности».

Литература

Вахштайн, В.С. Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности // Социологическое обозрение. 2009. Том 8. № 1. С. 61–70.

Гришина, Н.В. Введение в экзистенциальную психологию: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015.

Гришина, Н.В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 10–20. DOI:10.17759/sps.2018090302

Знаков, В.В. Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Марцинковская, Т.Д. Психологическая концепция С.А. Рубинштейна в контексте идей И.В. Гете и В.И. Вернадского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.101>

Марцинковская, Т.Д. Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021. № 2 С. 31–45. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_02

Марцинковская, Т.Д. Человек в повседневности: индивид, индивидуальность, личность? // Психология личности. Пребывание в

изменении: коллективная монография / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изда-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. С. 304–330.

Марцинковская, Т.Д. Экзистенциальные проблемы в трудах С.Л. Рубинштейна и в современной психологии // Психология человека в современном мире. Том 3. Психология развития и акмеология. Экзистенциальные проблемы в трудах С.Л. Рубинштейна и в современной психологии. Рубинштейновские традиции исследования и экспериментатики (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответст. ред.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, И.О. Александров. М.: Изда-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 293–300.

Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

Толстой, Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 4. С. 354.

Франкл, В. [Frankl V.] Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Чиксентмихайи, М. [Csikszentmihalyi M.] Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.

Шюц, А. [Schütz A.] Множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

Шюц, А. [Schütz A.] Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Сведения об авторе

Наталья С. Полева, кандидат психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; *npoleva@mail.ru*

Poleva N.S.

Transcendence and «gaps» of everyday life

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia

The article is devoted to the theoretical analysis of the phenomenon of “gaps” in everyday life. Based on the provisions of the theory of A. Schutz about the plurality of realities, the general characteristics of the finite areas of meaning and the characteristic features of everyday life as the supreme reality are considered. The process of transition from one reality to another is transcendence. Transcendence is understood as a way of detachment from everyday life, a process of going beyond the “here and now”, which is accompanied by “gaps” in everyday life, experiences of a “leap” or “shock”. Transcendence is an important component of the everyday world and its characteristic. The transcendent dimension of everyday life can have an existential mode. Representatives of humanistic and existential psychology

associate the highest, existential level of human existence with the ability of the individual to self-transcendence – to go beyond himself, beyond the boundaries of his immediate life. At the same time, the ability for self-transcendence, along with the ability for self-detachment and self-reflection, are the essential characteristics of human existence, which open up the possibility of self-determination of the personality, “life-creation” and orientation towards transformation strategies. The world of the subject’s everyday life is structured by the internal form of the psychological chronotope, experiences of “spots of time”, which are accompanied by “gaps” of everyday life and transcendence to other realities or to other levels of being. Some “spots of time” can be sources of existential experience and triggers of possible changes. What is common in understanding transcendence as an immanent characteristic of everyday life and transcendence as an immanent and essential characteristic of a person is the interpretation of transcendence as a process of detachment from the actual “here and now”.

Key words: everyday life, transcendence, self-transcendence, detachment, “spots of time”

For citation: Poleva, N.S. (2022). Transcendence and «gaps» in everyday life, No. 3, 8–22. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_03_01

Acknowledgment

The study was supported by the Russian Foundation of Basic Research, project 20-013-00075 «Person in everyday life: psychological phenomenology and determinates».

References

- Csikszentmihalyi, M. (2011). *Flow: The Psychology of Optimal Experience*. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Frankl, V. (1990). *Man's search for meaning*. Moscow: Progress.
- Grishina, N.V. (2015). *Introduction to existential psychology: tutorial*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Grishina, N.V. (2018). The problem of conceptualizing context in modern psychology. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 9(3), 10–20. DOI:10.17759/sp.2018090302.
- Martsinkovskaya, T.D. (2009). Existential problems in the works of S.L. Rubinshtein and in modern psychology. In A.L. Zhuravlev, Ye.A. Sergiyenko, V.V. Znakov, I.O. Aleksandrov (Eds.), *Human psychology in the modern world. Vol. 3. Developmental psychology and acmeology. Existential problems in the works of S.L. Rubinshtein and in modern psychology. Rubinshtein traditions of research and experimentation* (pp. 293–300). Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN».
- Martsinkovskaya, T.D. (2019). Man in everyday life: individual, individuality, personality. In N.V. Grishina (Ed.), *Personality Psychology: Being in Change* (pp. 304–330). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

Martsinkovskaya, T.D. (2020). The psychological concept of S.L. Rubinshtein in the context of the ideas of I.V. Goethe and V.I. Vernadsky. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 10(1), 7–17. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.101>

Martsinkovskaya, T.D. (2021). A new methodology for studying the transitivity of the living space of a changing personality. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 2, 31–45. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_02.

Rubinstein, S.L. (2003). *Being and consciousness. Man and the world*. St. Petersburg: Piter.

Schütz, A. (2003). On the plurality of realities. *Sociological Review*, 3(2), 3–34.

Schütz, A. (2004). *Selected: A world luminous with meaning*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

Tolstoy, L.N. (1979). *Collected works: In 22 volumes*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 4.

Vakhshtain, V.S. (2009). Between “practice” and “act”: the unbearable lightness of everyday theories. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 8(1), 61–70.

Znakov, V.V. (2016). *Psychology of understanding the human world*. Moscow: Institut psikhologii RAN.

Information about the author

Natalia S. Poleva, Ph.D (Psychology), Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009, npoleva@mail.ru